

Лев АННИНСКИЙ

ЭХО ИДЕОЛОГИИ

Нередко приходится слышать: мы жили в обществе, иерархия которого была скреплена идеологией, жили в обществе с недостатком общих идей. Что в новом времени должно заполнить очевидную пустоту такого недостатка? Новая идеология? Вера? Прагматизм общества потребления?

Да сколько людей живут этим прагматизмом! Чтоб ежедневно был обед, и было где поставить стол, и чем заплатить. Но как только ежедневное обдумывание этих вещей называет себя поиском Смысла, — оно становится фарсом. Смысл — это другой уровень, уровень не называемый в ежедневной прозе жизни, то есть в тексте каждодневности.

Вера? Да, она нас возносит на некий высший уровень. Но где гарантия, что эта Вера — не перепев другой Веры, возникшей в другой ситуации и уже отслужившей свое в той другой ситуации?

Новая идеология? Вот это уже поближе к тому, чего мы лишились и без чего живем уже полвека. И как это у нас получается? Можно ли жить без Смысла, не называя Смысла, но подчиняясь ему по инстинкту выживания?

А может, не потому та или иная идея становится идеологической догмой, что ее авторы оказались умнее других авторов, а тут обратная зависимость: из вороха предлагаемых идей одна оказывается по вкусу народу, и он, народ, избирает эту идею, соглашаясь возвести ее в догму?

Почему сто лет назад социализм победил в сознании великих народов Европы? Что, поклонники Бисмарка, а затем Гитлера в Германии сработали там лучше других умников? А российские марксисты-ленинцы, а затем поклонники Сталина сменили мировой коммунизм на социализм в отдельно взятой стране, потому что страна показалась лучшей в мире? Призрак, бродивший по Европе, породил два социализма... Не потому, что те и эти были умнее всех, а потому, что выбор народов обусловил этот выхлест теории в идеологию. И немцы, и россияне интуитивно почувствовали приближение смертельной войны, и потому социализм оказался ими избран — как наилучший строй военного времени.

А сейчас — какой строй брезжит в идеологическом вакууме?

История человечества входит в какую-то новую стадию. В какую — неясно, но все чувствуют, что — в новую. По изумительно неотвратимой логике смены эпох.

Лев Александрович Аннинский родился в 1934 году. Критик и публицист, автор многих книг и статей о литературе, театре, кино. Лауреат премии журнала «Нева» (2013).

И логикой-то это не объяснить, скорее — мистикой. Вдруг гунны поднимаются с мест и прорезают Евразию с Востока на Запад — до Дуная. Или путь из варяг в греки становится похож на прорыв фронта...

Нынешняя ситуация — не следствие ли векового взаимонависания народов? Любая перемена погоды (холод летом, оттепель зимой) побуждает миллионы искать путей к переселению. Жители французских колоний рвались из Африки — прорвались жители Сирии, и вот миллионные потоки беженцев полосуют Европу.

Новая геополитическая ситуация?

Да, новая.

Ее острее всех чуют приверженцы ислама, ищущие идеологического оправдания своему инстинкту. Инстинкт сильнее оправданий. Полвека Турция сидела тихо, угнездившись в американско-европейской послевоенной системе и помня заветы Ататюрка. И вдруг — словно с ума сойдя — сбивает российский самолет и вообще лезет на рожон через границы. Что это?.. Базисное ощущение народа, веками жившего в магометанской вере, вздыбилось из-под правил приличного поведения времен «холодной войны», — потому что забрезжила новая эпоха, — ее острее всех почувствовали мусульмане.

А европейцы-американцы, носители западной цивилизации, не чувствуют?

Чувствуют и они (то есть и мы с ними). И наш премьер, выступая в Германии, предупреждает от раскола, губительного в случае новой войны... И это — наш нынешний принятый словарь...

А встреча православного патриарха и римского папы — впервые в истории заявивших, что мы братья, а не соперники, — не та же попытка сплотиться в ситуации нависающего всемирного противостояния?

Дефицит смыслов тревожен, но он — не следствие государственных недоработок, а следствие состояния народа, предчувствующего глобальные перемены и еще не знающего, чем они обернутся. Различия неизбежны. Спасительно для культур — единство самоощущений. На него уповаем.

Литература — неперемное условие Смысла, который окажется найден. А дальше? Идея, овладевшая массами, неукротима в материальном изъятии силы. Съезды, шествия, парады, салюты, фейерверки и прочий цирк. Но первая реализация Идеи — словесная. Недаром сказано: В начале было Слово. Новая идеология найдет новые мифы. И только так появится.

Может ли и должно ли государство поддерживать (провоцировать) процессы формирования новой идеологии? Независимо от действий или бездействий в конечном итоге государство получит то, что выберет народ. А ответственность автора зависит от его ума. Безответственность — от возможности валять дурака. Умники и дураки обречены гореть вместе в пламени Истории.

Деидеологизация, получившая распространение в середине XX века, имела целью оправдание буржуазного объективизма и «беспартийности» в науке. Многие считают современную «идеологию рынка» «выгодополучателем» этой социологической концепции.

Деидеологизация — форма возможного обновления идеологии. Рынок — очередной фокус зрения. Бизнес — вариант перетекания энергии. Решит все-таки соотношение сил народов на новом историческом поприще.

Роли писателя и государства в создании идеологии неизменны.

Писатель предлагает, народ выбирает, государство оформляет и опошляет.

Все должны трудиться. И чиновники, и священники... И уж непременно — писатели, ибо из непрерывного потока словес, ими производимых, будет выбрано то, что позволит народу встретить новую эпоху во всеоружии.

Я понял, что человечество нельзя улучшить. Надо примириться с тем, каково оно есть. В природе человека природная агрессивность сосуществует с природной же солидарностью... Враждебность и любовь рядом. Вот и выбираешь...

Мой выбор — традиционные ценности русского сознания при обязательном сохранении нашей мировой всеотзывчивости.